

Н. В. Дзуцева
Ивановский государственный университет

«ТЫ, СОВЕСТЬ РУССКАЯ...» (К ПРОБЛЕМЕ ДУХОВНО- НРАВСТВЕННЫХ КАТЕГОРИЙ ВЯЧ. ИВАНОВА)

Определяя общий кризис духовного бытия начала XX века, Н. А. Бердяев писал: «Мораль как каноническая, общеобязательная культурная ценность <...> так же перезрела и надломлена, как и все канонические, общеобязательные ценности культуры» (2 : 246). Понятно, что и Вяч. Иванов не только испытал на себе слом морально-нравственных установок в атмосфере эпохи, но был, пожалуй, одним из самых ярких и авторитетных лидеров в установлении законов и предписаний «новой» морали. «Было бы странно, – замечает С. Аверинцев, – вопреки очевидности утверждать, будто христианский путь Вячеслава Иванова прост, прям и непротиворечив. С поэтами, с людьми искусства, несущими на себе помимо личных страстей, еще и страсти своего времени, такое очень редко бывает – даже и тогда, когда их эпоха не до такой степени заряжена амбивалентностями, как «серебряный век» (1 : 21).

Действительно, нельзя не учитывать процессов трансформации канонических установлений традиционной морали, которыми на рубеже XIX–XX веков отмечена сфера личной нравственности. Тем не менее, Иванов не мог не быть вовлечен в ситуацию напряженных духовно-нравственных исканий своей эпохи. Исходя из философско-эстетических установок, развернутых им в своде основополагающих теоретических и критико-философских работ, можно предположить, что максима Вл. Соловьева – «внутреннее неопределимое и незаменимое достоинство человека в его разуме и совести» (6 : 90) – является истинным исповеданием Иванова, тем «заветом учителя», который напрямую определяет его умонастроение как поэта-символиста и религиозного мыслителя. Однако это утверждение нуждается в существенных оговорках: на каждом этапе своего творческого развития Иванов привносит в концептуализацию такого понятия, как совесть, новые смыслы, связанные с тем или иным конкретным материалом и заданием. В результате выстраивается своеобразная семантическая парадигма, представляющая собой своего рода иерархическую концептуализацию совести как одной из определяющих категорий, которая каждый раз оформляется Ивановым не только сообразно его креативным установкам, но и с соответствующей стилистической выразительностью.

Нет необходимости доказывать, что концепция дионисийства, разрабатываемая Ивановым в начале 1900-х годов под непосредственным влиянием Ф. Ницше, как известно, снимала востребованность нравственного самосознания, и презумпция совести в ее традиционном наполнении оказалась не только не востребованной, но практически излишней. Иванов открывал имморализм дионисийского экстаза не только на уровне этико-антропологических исследований (2). Гораздо важнее, что тот же историко-антропологический имморализм стал основанием его концепции современной культуры.

«Мораль поведения стала моралью страстных устремлений духа», – пишет Иванов в статье «Идея неприятия мира».

Однако по мере дальнейшего формирования и развития художественно-философской системы Иванова концептосфера совести решительно и настойчиво заявляет о себе как объект напряженной интеллектуальной рефлексии, демонстрируя свою мифогенную природу, с одной стороны, и обретая сложный состав, продуцирующий глубинные культурно-антропологические и религиозно-философские смыслы, с другой. Само появление в интеллектуальном мире Иванова этого слова является в известной мере подтверждением внутреннего поворота поэта и мыслителя к новым духовным ориентирам, характерным для «послебашенного», московского этапа его пути. В отличие от своих единомышленников по символизму, Вяч. Иванов в своей художественно-философской практике активно использует концептосферу совести, придавая этому понятию характер устойчивого символического звучания. Так, это слово вынесено в название стихотворения 1912 года «Совесьть», в тексте которого заглавная буква выдает абстрактно-обобщенное, спиритуальное начало этой категории, еще не «дотягивающее» до мифологемы, но к ней явно приближающееся. Вот как «допрашивает» поэта персонифицированная Совесть:

...Ты за день сделал ли, что мог?
 Был добр, и зряч? Правдив, и целен?
 А чист ли был, скажи, твой слог?
 И просто, друг: ты был ли делен?...

Как видим, Совесть, понимаемая как творческая взыскательность художника-мастера по отношению к самому себе, носит здесь вполне спокойный характер. Однако Первая мировая война и последующие за ней революционные годы усиливают размах и напряженность размышлений Иванова о судьбах России. На этом фоне в его творчестве идет процесс усиленной мифосемантической концептуализации понятия совесть. Он активизирует его креативный потенциал, увеличивая культурно-историческую амплитуду его содержания. Совесть с заглавной буквы напрямую связывается с национальной идентичностью, вписываясь в общий свод таких же важных по своему пафосу и статусу категорий, какие составляют основу мифомышления Иванова. Совесть становится центром национального мифа, к которому он активно обращается в эти годы, воскрешая его культурно-исторический потенциал, придавая ему неославянофильские обертоны (4), близкие соловьевскому пафосу с его обращенностью к русской традиции нравственного максимализма. Вслед за Вл. Соловьевым, Иванов возрождает «гуманистические элементы славянофильства» (5 : 300). Таково стихотворение «Негодующим» (1914), вызванное событиями Первой мировой войны:

Ты, Совесть русская, себе,
 Дитя, верна и в бездорожья
 Скитаний темных! И Судьбе
 Самой кричишь: «Суди по-Божьи!»

Совесть русская – оппозирующая самой Судьбе сторона – сопрягается с возрожденной Ивановым главной идеологемой славянофильского наследия: «Русь

как живая душа» – так Иванов объяснял славянофильство Вл. Соловьева («Лев Толстой и культура»).

Символично-философское обоснование всей своей сложности и глубины концепт совесть обретает в философско-эстетической эссеистике Иванова 1910-х годов, где развернута чрезвычайно глубокая, отличающаяся смысловой новизной разработка этой категории. Критико-эстетический расклад нравственно-философской проблематики ведется Ивановым в основном через анализ творчества Толстого и Достоевского. В таких статьях, как «Лев Толстой и культура» (1911), «Достоевский и роман-трагедия» (1914), «Лик и личины России: к исследованию идеологии Достоевского» (1917), утверждается основополагающая мысль о том, что «особенность русского христианского сознания <... > обнаруживается в сфере нравственной». Иванов включается в сложную мыслительную коллизию о соотношении веры и нравственности. «Для православия, – говорит он, – Христос есть основоположный факт, действие же совести – акт, из него развивающийся. Поэтому чистый морализм не может мириться с духом православия; зато православие вскрывает в совести ее внутреннюю динамику и дает единственное объяснение возможности ее возрастания и углубления» («Лик и личины России...»).

Еще один пласт концептуального содержания понятия совесть вскрывает стихотворение 1919 года «Да, сей пожар мы поджигали...» Один из немногих, Вяч. Иванов был готов взять на себя ответственность за разжигаемые в умах дионисийские костры:

Да, сей пожар мы разжигали,
И совесть правду говорит...

Здесь мы имеем редкий случай, когда само слово знаменует некий перелом в духовно-нравственном сознании поэта: написанное, против обыкновения, со строчной буквы, слово совесть передает актуализацию запросов уже непосредственно личной нравственности, с неотменимостью ответственности и самоанализа. Можно сказать, что идея культуры, лежащая в основе ивановских философско-эстетических построений, здесь впервые столкнулась с непреложностью этической самооценки.

Своего поистине всемирно-универсального масштаба (именно в таком формате развертывается мыслительная стратегия Вяч. Иванова) концептуализация совести достигает в последней из написанных Ивановым до отъезда из России статье «Кручи» (1919). Знаменательно название ее последней главы – «Круговая порука единой совести». Оно звучит гимном метафизического оптимизма, в котором совесть выступает как начало соборного сознания, т. е. как воплощение центральной идеи религиозно-философского континуума Вяч. Иванова: «Это мистическое обобществление совести; это постановление соборности как некоей новой энергии и ценности, не присущей ни одному человеку в отдельности, на ступень высшую, чем вся прекрасная «человечность» в каждом; <...> Тут намечается будущее тех очищений, религиозный смысл которых заключается в приятии индивидуальной воли и вины целым человечеством, понятым как живое вселенско-личное единство».

Нетрудно расслышать в этих словах отзвук соловьевских пророчеств о «богочеловечестве» и «всеединстве», но символично-религиозный расклад самой идеи

совести говорит о высшем взлете нравственно-философских интуиций Иванова, которые во многом определяют характер его творческой деятельности в зарубежный период.

Библиографический список

1. *Аверинцев С. С.* «Скворешниц вольный гражданин...» Вячеслав Иванов: путь поэта между мирами. СПб., 2001.
2. *Бердяев Н. А.* Философия творчества, культуры и искусства: в 2 т. М., 1994. Т. 2.
3. *Буева Л. П.* Дионисийство как культурно-антропологическая проблема (Вариации на темы Вяч. Иванова) // Вячеслав Иванов. Архивные материалы и исследования. М., 1999.
4. *Егоров Б. Ф.* Вячеслав Иванов и славянофилы // Русский текст СПб., 1993.
5. *Милюков П.* Разложение славянофильства. Данилевский, Леонтьев, Вл. Соловьев // Милюков П. Из истории русской интеллигенции. Сборник статей и этюдов. Изд. 2-е. СПб, 1903.
6. *Соловьев Вл.* Соч.: в 2-х т. Сост., общая ред., вступ. ст. А. Ф. Лосева и А. В. Гулыги. М., 1988. Т. 1.

Т. В. Ковалева

Орловский государственный университет

ФИЛОСОФИЯ ПРИРОДЫ В СБОРНИКЕ

И. А. НОВИКОВА «ДУХУ СВЯТОМУ»

Имя Ивана Алексеевича Новикова в представлении широкого круга читателей связано с романом «Пушкин в изгнании», но свою творческую деятельность он начинал как автор поэтического сборника «Духу Святому», опубликованного издательством «Гриф» в 1908 году.

В центральной части книги были помещены лирические произведения, объединенные автором под названием «Миф». Именно в них И. А. Новиков изложил свои представления о природе, о месте и роли человека в общем движении жизни, о вечных для русской поэзии поисках гармонии бытия.

В одноименном стихотворении, открывающем цикл, автор не только рисует картину первозданной природы, но и стремится осмыслить проблему: насколько постижимы ее законы человеком. Лирический герой Новикова – истинный сын своего века, рефлексирующий и страдающий, – готов ощущать себя частью окружающего мира: «Деревья пристально молчат, / Застыли ветви в гимне чуду. / И вот – войду в их тихий ряд, / И вот – застывшим чудом буду»(2 : 33). Он понимает, что, только слившись с природой, он сможет излечить свою душу, победить «непонятую тоску», почувствовать чудо обновления. Но оказывается, что стать частью мира можно только после обращения к Богу. Высшая сила помогает лирическому герою раствориться в гармоничном и прекрасном мире, стать «братом» и «другом» деревьев, услышать «соков легкий бег», приоткрыть «незримость тайн земных». Он понимает, что природа живет по иным законам, сохраняя в себе Божественное